

В Е Р А Л И

Невеста под чужим именем

Кисть и печать : книга первая

Вера Ли

Невеста под чужим именем

«Автор»

2026

Ли В.

Невеста под чужим именем / В. Ли — «Автор», 2026

Девять лет назад отца Вэнь Цинлань казнили за письмо, которого он не писал. Теперь она клеит чужие свитки в мастерской и узнаёт любую руку по одному крючку иероглифа. Когда дочь министра сбегает накануне свадьбы, назначенной указом императора, Цинлань под её именем входит в дом генерала Пэй Чжао. У него хранится обгоревший приказ, погубивший его отца и брата. У неё есть глаза, способные прочесть, чья рука его написала. Роман для тех, кто любит китайские дорамы: дворцовые тайны, брак по указу и любовь, которая начинается с недоверия.

© Ли В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Клей из пшеничного крахмала	6
Глава 2. Красный паланкин	11
Глава 3. Холодный чай	16
Глава 4. Пепел у Каменного моста	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Вера Ли

Невеста под чужим именем

Невеста под чужим именем

Вера Ли

Серия «Кисть и печать». Книга первая

* * *

Глава 1. Клей из пшеничного крахмала

Клей варили с вечера, и к ночи он стал прозрачным, как вода в колодце у Каменного моста. Вэнь Цинлань размешала его бамбуковой лопаткой, подождала, пока сойдёт пар, и только тогда подняла глаза на лист.

Лист был плохой. Его принесли три дня назад, завернутым в промасленную ткань, и человек, который принёс, не назвал ни имени, ни дома. Высокий, со шрамом через левую бровь, в простом сером халате. Он положил на прилавок серебро, слишком много серебра для такой работы, и сказал старому Гу:

– Нужно, чтобы читалось каждое слово. И чтобы никто, кроме вас, его не видел.

Старый Гу посмотрел на обгоревший край, потом на серебро, потом на человека со шрамом. Потом сказал «хорошо» и унёс свёрток в заднюю комнату, где работала Цинлань.

Цинлань в мастерской никто, кроме Гу, не видел. В доме Лу думали, что она ходит в храм, а заказчики думали, что старик работает один.

Теперь лист лежал перед ней на мокрой основе, распластанный, бурый по левому краю. Огонь съел угол и половину последней строки. Вода, которой его пытались спасти, размыла тушь в двух местах. Это был военный приказ: она поняла это сразу, по формату, по столбцам, по тому, как в начале стояло «Повелеваем». И по киновари. Внизу, там, где огонь не дошёл, лежал красный отпечаток печати, квадратный, крупный, с древней вязью. Цинлань не стала его разглядывать. Есть вещи, на которые в мастерской у Каменного моста лучше не смотреть.

Она смотрела на руку.

Писал человек немолодой, привыкший к кисти с детства. Нажим ровный, без суеты. Горизонталы тянутся чуть вверх к концу, так пишут те, кто учился по прописям старой столичной школы. Вертикали длинные, с крючком на конце, и крючок этот странный: не вбок, как учат, а вниз и назад, будто кисть на мгновение передумала. Цинлань провела пальцем над знаком, не касаясь бумаги. Раз. Ещё раз. Знак «выступить». Знак «запрещаем». В слове «запрещаем» крючок был тот же, с той же нерешительностью в самом конце.

Рука сильного человека, который однажды усомнился. Так сказал бы отец.

Она отвела глаза и взяла мягкую кисть с крахмалом.

В Ночь Пастуха и Ткачихи квартал мастеров не спал. Соседские дочери продевали нитку в иголку при луне, чтобы Ткачиха послала им ловкие руки. Цинлань работала. Ей ловкие руки уже дали, и спросить было не у кого, кто за них платит.

Под крахмалом бурый край перестал скручиваться. Она подложила тонкую бумагу сюань, ту, что из сандаловой коры, и прижала её мягкой щёткой, от середины к краю, как учил Гу. Медленно. Вода выходила по капле. Пятно туши, которое растеклось по слову «перевал», отступило на волосок. Под ним проступило: «Лянь».

Ляньшань.

Она сидела неподвижно, пока щётка не остыла в пальцах.

Три года назад весь Цзинъян говорил о Ляньшане. О северной армии, которая ждала подкрепления в ущелье и не дождалась. О старом хоу Пэй, найденном в снегу с отцовским мечом в руке. О его старшем сыне, которого не нашли вовсе. О младшем, вышедшем из окружения с сорока людьми, получившем от императора титул отца и больше ни разу никому не улыбнувшимся.

Цинлань убрала щётку, накрыла лист чистой бумагой, положила сверху доску. Утром можно будет дописывать утраты. Слово за словом, под руку того, кто писал.

Занавеска качнулась.

– Барышня, – А-Цзюй стояла в проходе, держа фонарь так низко, что свет лизал ей колени. – Барышня, там из дома Лу. Старая Чжоу. Говорит, госпожа велела немедленно.

– Сейчас ночь.

– Я сказала. Она говорит, немедленно. Она плачет, барышня.

Старая Чжоу, кормилица Лу Ваньжоу, не плакала даже тогда, когда барышня Ваньжоу в восемь лет упала в пруд. Цинлань вымыла руки, вытерла их о полотенце, сняла рабочий передник. Под ним было платье цвета блёклого лотоса, перешитое из старого платья Ваньжоу. Рукава немного коротки. За девять лет она научилась держать руки так, чтобы этого не было видно.

Старый Гу спал в передней, сидя на табурете, с трубкой в руке. Цинлань вынула трубку из его пальцев, положила на подставку и вышла.

Дом министра ритуалов Лу стоял в северной части города, за двумя улицами от Императорского города, и в эту ночь в нём горели все фонари. Не праздничные. Обычные, белые, такие, при которых ищут потерянное. Ворота были приоткрыты, во дворе стояли слуги, никто не разговаривал. Старая Чжоу почти бежала, тянула Цинлань за рукав, и Цинлань видела, как дрожат у неё губы.

– Что случилось?

– Барышня ушла.

– Куда?

Чжоу не ответила.

В главном зале сидела госпожа Лу. Сидела прямо, как на приёме, только волосы у неё были не убраны, одна шпилька сползла за ухо. Министр Лу стоял у окна, спиной к двери. На столе между ними лежал жёлтый шёлк, свёрнутый в трубку, с нефритовыми наконечниками на концах, и Цинлань остановилась на пороге, потому что узнала этот шёлк. Месяц назад его принесли из дворца, и весь дом стоял на коленях во дворе, пока евнух читал. Его величество, заботясь о верных слугах, жалует старшую дочь дома Лу в жёны Динбэй-хоу Пэй Чжао. Хоу по-здешнему значит маркиз, а Динбэй, «Усмиритель Севера», был титулом его отца: сын получил его вместе с отцовской армией. Свадьба назначена на шестнадцатый день седьмой луны.

До свадьбы оставалось девять дней. У ворот уже две недели стояли сундуки с приданым.

– Закрой дверь, – сказала госпожа Лу.

Цинлань закрыла.

– Ваньжоу ушла после обеда, – сказала госпожа Лу ровно. – Взяла служанку и два кошель. Оставила письмо. Хочешь прочитать? Ты ведь у нас любишь читать чужие письма.

Цинлань не двинулась.

– Она пишет, что не войдёт в дом вдов и мертвецов. Что лучше утопится в Лохэ. Что отец продал её солдату, у которого рука не держит чашки. – Госпожа Лу помолчала. – Её ищут. Найдут. Но если найдут не до утра, то не найдут до шестнадцатого. Она умная девочка. Умнее, чем мы думали.

– Матушка, – сказала Цинлань. Она так называла госпожу Лу девять лет, потому что так велели. – Зачем вы меня позвали?

Министр Лу повернулся от окна. Он был бледен, под глазами набрякли тени. Он всегда был добр к ней издали, как бывают добры к собаке, которую взяли в дом из жалости и не знают, куда деть. Ни разу за девять лет он не произнёс при ней имени её отца.

– Ты знаешь, что такое неисполнение указа? – спросил он.

– Знаю.

– Нет, не знаешь. – Он сел тяжело, всем весом, как садятся старики. – Если шестнадцатого числа к воротам дома Пэй не прибудет старшая дочь дома Лу, это будет значить, что дом Лу отказал императору. Это будет значить, что я опозорил его волю перед всем двором. И что опозорил человека, которого его величество сам решил наградить. У Динбэй-хоу сорок тысяч солдат на Севере, которые за него умрут. Они не простят. И его величество не простит.

Цинлань посмотрела на шёлк.

– В указе стоит «старшая дочь», – сказала госпожа Лу. – Не имя. «Старшая дочь дома Лу».

За окном на улице кто-то смеялся. Ткачиха и Пастух встречаются раз в год на мосту из сорок. Сегодня их ночь.

– Я не дочь этого дома, – сказала она.

– Ты записана в нашей книге воспитанницей девять лет, – ответила госпожа Лу. – Завтра утром министр перепишет запись. Воспитанница станет приёмной дочерью. Приёмная дочь, взятая в дом раньше, чем родилась Ваньжоу... – она запнулась, – раньше, чем Ваньжоу была записана в списки на отбор, будет считаться старшей. Это можно сделать. В ведомстве ритуалов служит твой... служит министр Лу.

– Хоу видел Ваньжоу.

– Один раз, на празднике в саду. Год назад, издалека. Ты одного роста с ней. Под покрывалом невесту никто не разглядывает.

– А после покрывала?

Госпожа Лу посмотрела на неё долгим взглядом. В этом взгляде стояли девять лет обид, которые она не высказала, потому что за неё их высказывала Ваньжоу, и ещё что-то, похожее на зависть, хотя Цинлань не могла понять, чему здесь завидовать.

– После покрывала ты будешь женой Динбэй-хоу, – сказала госпожа Лу. – А мужчина, который поднимет руку на жену, полученную от императора, сам поднимет руку на указ. Он не станет этого делать. Он сделает вид. Все сделают вид. Так живёт весь двор, дитя.

Цинлань опустила глаза. На её среднем пальце, сбоку, у верхней фаланги, была мозоль от кисти. Она потёрла её большим пальцем.

В доме Пэй жили вдова старшего сына, мальчик-наследник и старая госпожа, которая три года не ела мяса. Хоу почти не бывал при дворе. Говорили, что он никому не пишет писем. Говорили, что в его кабинете нет ни одной кисти.

Говорили также, что у него хранятся бумаги о Ляньшане.

Она вспомнила крючок, который уходил вниз и назад. Рука сильного человека, который однажды усомнился.

– У меня есть условие, – сказала она.

Госпожа Лу дёрнулась, как от пощёчины. Министр поднял голову.

– Ты смеешь... – начала госпожа Лу.

– Смею. Вы не можете приказать мне войти в паланкин. Можете связать и посадить, но довести до ворот живой и улыбающейся вы меня не заставите. А хоу заметит связанную невесту даже под покрывалом.

Министр Лу медленно выдохнул.

– Чего ты хочешь?

– Ключ от вашего архива. От того сундука, который стоит за ширмой в кабинете. Я хочу один раз открыть его и прочесть всё, что там лежит про дело академика Вэнь Шоуи.

Она сказала это имя вслух впервые за девять лет. Оно легло на стол рядом с жёлтым шёлком и осталось там лежать.

Министр Лу не шевелился. Только пальцы на подлокотнике сжались, и нефритовое кольцо стукнуло о дерево. Госпожа Лу перевела взгляд с неё на мужа и обратно. Потом очень тихо сказала:

– Там ничего нет.

– Тогда вам не жалко ключа.

– Цинлань, – сказал министр, и это тоже было впервые: он назвал её по имени. Не «девочка», не «эта». – Ты не понимаешь, о чём просишь.

– Понимаю. Я прошу то, за что вы девять лет кормили меня рисом.

Он закрыл глаза.

– Хорошо, – сказал он. – После свадьбы. На третий день, когда ты приедешь в родной дом с визитом. Я дам тебе ключ.

– Сейчас.

– После свадьбы, – повторил он, и в голосе его прорезалось что-то стальное, чего она прежде не слышала. – Иначе ты прочтёшь и не поедешь. А если ты не поедешь, нас всех не будет к осени. И тебя тоже.

Цинлань смотрела на него и понимала, что он прав. Она бы не поехала. Если в этом сундуке было то, о чём она думала, она бы взяла это и ушла пешком через южные ворота, куда угодно, к матери на могилу в ссыльную деревню у моря.

– После свадьбы, – сказала она.

Госпожа Лу поднялась и покачнулась.

– Завтра придут мерить платье, – сказала она чужим, деловым голосом. – Ваньжоу шире в плечах, придётся ушить. Чжоу научит тебя, как она держит голову.

– Да, матушка.

– И никакой мастерской.

Цинлань подумала о листе под доской. О бурых краях, о слове «Лянь», проступившем из пятна. Утром нужно было дописывать утраты. Если оставить лист сохнуть больше суток, бумага поведёт, и строки разойдутся.

– Мне нужно вернуться на одну ночь. Там чужая работа, она испортится.

– Пусть испортится.

– За неё заплачено серебром. Человек придёт за ней. Если работа будет испорчена, он спросит у старого Гу, кто её испортил.

Министр Лу поднял голову.

– Что за работа?

– Старый свиток, – сказала Цинлань. – Стихи.

Она солгала спокойно, глядя ему в глаза. Врать, не отводя взгляда, она выучилась здесь же, за его столом.

Её отпустили до рассвета, с двумя слугами, которые остались ждать у моста. А-Цзюй шла рядом и молчала, что для А-Цзюй было подвигом. Только у самой мастерской она остановилась и сказала:

– Барышня, я поеду с вами.

– Куда?

– Туда. В дом генерала. Вам нужна будет своя служанка. Там все чужие.

– Ты не знаешь, о чём говоришь.

– Знаю. Я слышала через окно. – А-Цзюй вскинула подбородок. – Я с вами. Мне всё равно, хоть к мертвецам.

Цинлань ничего не ответила. Она прошла через переднюю, мимо спящего Гу, в заднюю комнату, зажгла лампу и подняла доску.

Лист лежал ровно. Бумага не повела. Под светом лампы приказ выглядел иначе, чем днём: красный оттиск потемнел, крючки стали резче. Она взяла тонкую кисть из волчьего волоса, растёрла тушь из сосновой сажи до той же тусклой черноты, что и в приказе, и начала дописывать.

Первое утраченное слово. Второе. Над третьим она остановилась.

Огонь сожрал половину последней строки, но не всю. Остался кусок: «...не выступать до особого...». И ниже, у самого края, под печатью, там, где пишут имя того, кто передал приказ, был виден один знак. Не знак. Половина знака: левый ключ, «вода», три капли.

Подкрепление не выступило, потому что ему запретили. Запретили приказом с этой печатью. Огонь тронул лист позже, когда кто-то уже знал, что приказ стоил жизни восьми тысячам человек, и пытался его уничтожить. Или кто-то другой пытался его спасти.

Цинлань положила кисть.

Она дописала утраты к третьей страже. Дала листу просохнуть, переложив его на основу, обрезала края. Свернула в промасленную ткань так же, как он был свёрнут, когда его принесли. На ткань положила записку для Гу: «Готово. Я не вернусь. Отдайте человеку со шрамом и не говорите, чьей рукой».

Потом подумала и добавила: «Берегите себя».

Когда она вышла к мосту, небо на востоке было серым. Слуги дома Лу спали, привалившись к перилам. А-Цзюй стояла рядом с узелком в руке, вся её жизнь в одном узелке из синей ткани.

Через девять дней Цинлань сидела в комнате Ваньжоу, перед зеркалом из полированной бронзы, и старая Чжоу втыкала ей в волосы шпильки с жемчугом. Платье было красное, тяжёлое, расшитое золотыми фениксами. Ушитое в плечах. Рукава закрывали руки до кончиков пальцев.

Ваньжоу так и не нашли.

– Голову держи выше, – сказала Чжоу. – Барышня всегда держала голову выше. Словно ей под подбородок подставили палец.

Цинлань подняла подбородок. В бронзе на неё смотрела незнакомая женщина с алыми губами и белым лицом. Чжоу выщипала ей брови тонкими дугами, как носила Ваньжоу, и подвела уголки глаз кверху. От себя Цинлань нашла в этом лице только взгляд. Она подумала, что под покрывалом его никто не увидит, а после покрывала будет поздно.

В дверях появился министр Лу. Он был в парадном платье, с поясной пластиной из нефрита. Он постоял, глядя на неё, и Цинлань увидела, что руки у него дрожат.

– Ключ, – сказала она тихо.

– На третий день.

– Батюшка. – Слово было чужим во рту. – Если меня раскроют, что будет?

Он помолчал. Снаружи ударили в гонг: паланкин пришёл.

– Если тебя раскроют, – сказал министр Лу, – тебя казнят за обман императора. Как твоего отца.

Он сказал это без злости, почти устало. И тут же, испугавшись, что сказал слишком много, повернулся и вышел, а во дворе уже кричали, что пора, что носильщики ждут, что хоу прислал за невестой своего человека.

Старая Чжоу опустила ей на голову красное покрывало, и мир стал алым и мягким.

Её вывели под руки. Ступени, порог, ещё порог. Её посадили в паланкин, дверца закрылась. Паланкин качнулся и поднялся. Снаружи заиграли трубы.

Сквозь щель покрывала она видела свои руки на коленях, красные рукава, золотую нить. И край занавески, которую ветер отогнул на мгновение. За занавеской, у самого паланкина, ехал верховой из дома Пэй, тот, кого хоу прислал за невестой.

Высокий. В праздничном красном поверх доспеха. Со шрамом через левую бровь.

* * *

Глава 2. Красный паланкин

Весь путь до дома Пэй она смотрела на свои руки.

Человек со шрамом приходил в мастерскую один раз и видел только старого Гу. Её он видеть не мог. Цинлань повторяла это себе на каждом повороте улицы, когда паланкин крепился, и бусины на покрывале стучали друг о друга. Он не видел. Он не знает. Даже если он забрал лист и прочёл записку, в записке не было имени.

Но он мог видеть почерк записки.

Она сжала пальцы так, что ногти вошли в ладонь. Записку она писала второпях, своей рукой, той самой, которой дописывала приказ. Если хоу дал своему человеку сравнить...

Паланкин опустили.

Снаружи было шумно и почему-то тихо одновременно. Шумели хлопушки, музыканты, гости. Но голоса звучали приглушённо, как бывает на похоронах, где люди помнят, что смеяться нельзя. Дом, в котором три года назад было два гроба без тел, не умел праздновать.

Дверца открылась. Чья-то рука, в красном рукаве, протянулась к ней ладонью вверх. Она видела её снизу, из-под края покрывала: широкая мужская ладонь, мозоли от поводов и рукояти, белый шрам поперёк запястья, уходящий под рукав. Пальцы подрагивали мелко и ровно, и дрожь не прекращалась ни на миг. Так дрожит старая рана, к которой хозяин давно привык.

Цинлань положила свою руку поверх. Его пальцы сомкнулись. Дрожь передалась ей в кость, и она не сразу поняла, что это не её собственная.

Через порог её перенесли над жаровней с углями, чтобы огонь отогнал несчастье. Она переступила через седло, чтобы жизнь была спокойной. В зале предков она трижды поклонилась табличкам с именами, среди которых две были совсем новые, лак на них ещё блестел. Потом поклонилась небу и земле. Потом старой госпоже, которую видела только как серый подол и чёрные туфли с вышитыми лотосами. Потом мужу.

Он кланялся ей в ответ, и она видела его сапоги. Он стоял очень ровно.

Её отвели в новые покои. Посадили на край кровати под красным пологом. Женщины, которые её вели, говорили что-то о детях и о долгой жизни, бросили на постель горсть фиников и орехов, засмеялись и вышли. А-Цзюй, которую пустили с ней, отошла к двери и замерла.

– Сколько их было в зале? – спросила Цинлань, не поднимая покрывала.

– Мало, барышня. То есть молодая госпожа. Человек сорок. Из дворца прислали подарки, но никто не приехал. Старая госпожа сидела прямая, как жердь, и ни разу не улыбнулась. А вдова старшего брата всё время держала мальчика за руку.

– А он?

А-Цзюй помолчала.

– Хоу высокий, – сказала она наконец. – И не пил. Ему наливали, он держал чашу, но не пил. Я смотрела.

– Где человек со шрамом?

– Стоит во дворе у ворот. Он с хоу всё время рядом. Его зовут Чэн. Адъютант.

Цинлань кивнула под покрывалом. Чэн. Значит, она не ошиблась.

Свечи, толстые, красные, с драконом и фениксом, горели на столе. Пахло воском и чем-то горьким, наверное, полынью, которой тут окуривали покои от злых духов. Она сидела час. Может быть, больше. Шум гостей стихал. Хлопушки кончились. Под окном прошёл ночной сторож с колотушкой и прокричал вторую стражу.

Шаги в коридоре были тяжёлыми и ровными. Дверь открылась, А-Цзюй ахнула и поклонилась так низко, что чуть не упала.

– Выйди, – сказал мужской голос.

А-Цзюй посмотрела на госпожу. Цинлань чуть кивнула. Служанка вышла, и дверь за ней закрылась.

Он не подошёл сразу. Она слышала, как он стоит у стола. Как берёт что-то, кладёт обратно. Потом шаги, близко. Перед её глазами появился кончик весов: на свадьбах покрывало снимают безменом, чтобы жизнь была уравновешенной. Он поддел алый шёлк. Тот соскользнул.

Свет свечей ударил в глаза. Она моргнула и подняла взгляд.

Пэй Чжао был выше, чем она думала. И моложе. По рассказам ей представлялся человек с седыми висками, а у него были чёрные волосы, гладко убранные под золотую заколку, и лицо с резкими скулами, очень бледное для военного. Глаза тёмные, неподвижные. Он смотрел на неё так, как она смотрела на чужой лист в мастерской: медленно, сверху вниз, отмечая каждую черту и не торопясь с выводом. Безмен в его руке так и висел над её коленями, и красный шёлк покачивался на конце.

Потом он опустил весы на стол.

– Вы не Лу Ваньжоу, – сказал он.

Голос у него был негромкий и совсем спокойный. Он не спрашивал.

Цинлань не опустила глаз. Опустить глаза значило признаться. Не опустить тоже значило признаться, но так у неё хотя бы оставалось лицо.

– Я старшая дочь дома Лу, – сказала она. – Как сказано в указе его величества.

– Год назад я видел дочь дома Лу в саду князя Аньпина. Она бросила в пруд браслет, потому что он оказался не того оттенка, что у супруги наследного князя. – Он чуть повернул голову. – У неё круглое лицо и ямочка на левой щеке. И она не умеет молчать.

Цинлань молчала.

– Как вас зовут?

– Цинлань.

– Фамилия?

Она снова промолчала. Он подождал, потом слегка кивнул, будто отметил ещё одну черту на листе.

– Значит, дом Лу решил, что мне всё равно, – сказал он. – Или что я не замечу. Или что замечу и проглочу.

– Дом Лу решил, что вам будет некуда деться, – сказала Цинлань.

Это вырвалось само. Она тут же пожалела, но было поздно. Он посмотрел на неё внимательнее.

– Продолжайте.

– Если вы объявите, что невесту подменили, все спросят, как хоу Динбэй не узнал свою невесту до свадьбы. Все спросят, почему указ его величества исполнен с обманом, и кто виноват: дом Лу, который обманул, или дом Пэй, который позволил себя обмануть. Его величество будет вынужден наказать одних. Или обоих. А вы только год как вернулись с Севера и ни разу не были на большом приёме во дворце. У вас нет друзей при дворе, которые бы за вас заступились.

– А у дома Лу есть?

– У министра ритуалов есть канцлер.

Он помолчал. Свеча с драконом затрещала, и по стене прошла тень.

– Кто вас этому научил?

– Никто. Я девять лет прожила в доме министра ритуалов. Там учатся слушать.

Пэй Чжао отошёл к столу. На столе стояли две чаши для свадебного вина, связанные красной нитью. Он посмотрел на них, взял одну, повертел в пальцах. Вино в чаше дрожало. Мелкая дрожь, ровная.

– Вы правы, – сказал он, не оборачиваясь. – Я не стану ничего объявлять. Мне всё равно, какое имя стоит в брачной записи. Мне нужно было исполнить волю его величества, и я её исполнил. Дом Лу получил то, что хотел. Я тоже.

Он поставил чашу, так и не отпив.

– Вы будете жить в этих покоях. У вас будет содержание, служанки и всё, что положено жене хоу. Вы будете подавать чай моей матери и стоять рядом со мной на приёмах, если они случатся. Больше от вас ничего не требуется. Я буду спать в кабинете.

– А если спросят?

– Кто?

– Ваша матушка. Слуги. Дворец.

– Слуги не спрашивают. Мать не спросит. Во дворце... – он чуть повёл плечом, – во дворце говорят, что я вернулся с Севера наполовину мёртвым. Им будет нетрудно поверить, что вторая половина тоже не годится.

Он сказал это так ровно, что Цинлань не сразу поняла смысл. Когда поняла, к щекам прилила кровь, и она порадовалась, что лицо под белилами.

– Это унижительно для вас, – сказала она.

– Это удобно для нас обоих.

– Тогда и у меня есть условие.

Он, уже повернувшийся к двери, остановился.

– Если вы когда-нибудь решите вернуть меня в дом Лу, скажите мне об этом за день. Наедине, не при слугах.

– Зачем?

– Сегодня меня вынесли из одного дома под чужим именем, как сундук с приданым. Из второго я хочу выйти сама, на своих ногах.

Он смотрел на неё дольше, чем на чашу с вином. Уголок его рта едва заметно дрогнул, и Цинлань не поняла, насмешка это или уважение.

– За день, – сказал он. – Хорошо.

Он направился к двери. У порога остановился.

– Ещё одно. Ваша служанка будет держать язык за зубами. Если в доме или за его пределами кто-нибудь скажет хоть слово о том, что жена хоу не та, за кого себя выдаёт, я буду знать, что это пошло из этих покоев.

– Что вы тогда сделаете?

Он обернулся. Его лицо было в тени, свечи остались у неё за спиной.

– Мне не придётся ничего делать, – сказал он. – Вы сами сказали: дом Лу обманул указ. За такое платят все, кто в нём участвовал. Спокойной ночи, госпожа.

Дверь закрылась. Цинлань сидела не шевелясь, пока не услышала, как его шаги уходят по галерее, потом по двору, потом стихают за поворотом. Тогда она расстегнула тугой ворот, поднялась с кровати и, не снимая платья, подошла к столу.

Свадебное вино стояло нетронутым. Две чаши на красной нитке.

Она развязала нитку. Вылила вино из обеих чаш в цветочный горшок с карликовой сосной, который стоял у окна. Сосна была старая, с перекрученным стволом. Её здесь поставили на счастье.

А-Цзюй вошла бесшумно, глаза у неё были круглые.

– Барышня, он...

– Он ушёл спать в кабинет. Так будет всегда. И ты ни одной живой душе об этом не скажешь.

– Не скажу. – А-Цзюй прижала руки к груди. – Но барышня, как же...

– Помоги мне снять шпильки.

Шпилек было двадцать шесть. А-Цзюй вынимала их по одной, и Цинлань считала. На каждой она вспоминала что-нибудь. Руку на дверце паланкина. Дрожь, которая не прекращалась. «Вы не Лу Ваньжоу». Самозванкой он её не назвал. Он сказал только, кем она не является, а кто она, оставил решать ей самой.

После двадцать шестой шпильки голова стала лёгкой, и Цинлань вдруг поняла, что очень хочет пить.

– Где здесь берут чай?

– На кухне. Но там всё заперто, молодая госпожа. Я спрашивала. Ключи у старой госпожи.

Конечно, ключи у старой госпожи. Цинлань накинула поверх нижнего платья лёгкий халат, взяла со стола фонарь.

– Вы куда?

– Пройдусь.

Ночь была тёплая, пахло нагретым за день камнем и ночными цветами. Дом Пэй был большой и старый, с длинными галереями, крытыми чёрной черепицей. Во многих окнах темно. Сторож прокричал третью стражу где-то за дальней стеной. Цинлань шла медленно, держа фонарь низко, запоминая повороты. Лунные ворота. Сад с прудом, где вода стояла неподвижно, в ней отражались звёзды. Бамбук. Ещё одни ворота.

За ними, в отдельном дворике, горел свет. Окно было открыто из-за жары. Цинлань остановилась в тени бамбука.

Это был кабинет. Она поняла это по полкам вдоль стены, где лежали свитки и книги, по ширме с горным пейзажем. И по столу. Большой стол из тёмного дерева, у окна, и на нём, на почётном месте, стояли предметы, которые бывают в каждом кабинете учёного человека. Подставка для кистей в форме горной гряды. Тушечница из чёрного камня, старая, с резьбой. Брусок туши. Гладкое пресс-папье.

Только кистей на подставке не было. Ни одной.

А тушечница была сухой. Совершенно, до белёсого налёта на дне. В неё не наливали воду много месяцев.

Пэй Чжао сидел за этим столом спиной к окну, в нижнем платье, без свадебного халата. Перед ним лежал развёрнутый лист. Цинлань не видела, что на нём, видела только, как он держит над ним правую руку, не касаясь, как держат руку над огнём. Пальцы дрожали. Он смотрел на них и не двигался. Потом медленно сжал руку в кулак и опустил её на стол, не резко, очень бережно, как кладут на стол треснувшую чашку.

Цинлань отступила глубже в бамбук. Лист бамбука коснулся щеки, холодный от росы.

Она уже повернулась, чтобы уйти, когда с другой стороны дворика, со стороны внутренних покоев, по галерее прошла женщина. Без фонаря, в светлом платье. Тонкая, с узкими плечами. Она шла, придерживая рукой подол, и остановилась у поворота, почти напротив бамбука. Цинлань узнала её по светлому цвету: на свадьбе вдова старшего брата одна была не в красном, а в бледно-лиловом, полутраурном.

Цинь Юйжун тоже смотрела на окно кабинета. Долго. Потом повернула голову, прямо на бамбук, и Цинлань поняла, что фонарь в её руке всё ещё горит.

Задуть было поздно.

Юйжун не испугалась и не удивилась. Она спустилась с галереи, подошла по траве, неслышно, и остановилась в двух шагах. У неё было тонкое милое лицо, глаза немного покрасневшие: то ли плакала недавно, то ли давно не спала.

– Сестрица, – сказала она шёпотом. – Тоже не спится?

– Я искала кухню.

– Кухня в другой стороне. – Юйжун улыбнулась краешком губ. – Пойдёмте, я провожу. Здесь легко заблудиться, особенно в первую ночь.

Она взяла Цинлань под руку. Рука у неё была холодная и лёгкая. Они пошли обратно через лунные ворота, мимо пруда, и Юйжун говорила тихо, ласково, о том, что старая госпожа строгая, но справедливая, что чай надо подавать горячим, но не кипятком, что мальчик Ань хороший и уже знает сто иероглифов. У поворота к новым покоям она остановилась.

– Вы не сердитесь на него, – сказала она. – Он со всеми такой. Он и со мной не разговаривает. С тех пор как...

Она не договорила. Потом наклонилась к самому уху Цинлань, так близко, что Цинлань почувствовала запах её волос, жасминовое масло и что-то ещё, лекарственное.

– Вам, наверное, не сказали, – прошептала Юйжун. – Ведь его уже сватали. Два года назад. Дочь генерала Мэна, очень красивая. Её прислали сюда на смотрины.

– И что?

– Она умерла, – сказала Юйжун. – Через месяц после помолвки. Упала в этот пруд, в тот самый, мимо которого мы шли. Ночью. Одна. – Она отстранилась и снова улыбнулась краешком губ. – Спите спокойно, сестрица. И не гуляйте ночью одна.

* * *

Глава 3. Холодный чай

Она не спала. Лежала под красным пологом, смотрела, как светлеет бумага в окне, и думала о пруде.

Утром пруд оказался маленьким. Цинлань прошла мимо него на рассвете, когда служанка старой госпожи повела её в главные покои. Вода была зелёная, спокойная, по краю росли ирисы, уже отцветшие. Посередине из воды поднимался камень, похожий на сидящую птицу. Глубина, судя по тому, как стояли ирисы, была по пояс взрослому человеку. Утонуть в таком пруду можно было, только если очень постараться. Или если кто-то постарается за тебя.

Цинлань отвела глаза и пошла дальше.

Покои старой госпожи пахли сандалом и холодной золой. На стене висел свиток с изображением Гуаньинь, милосердной бодхисаттвы в белых одеждах, перед ним курилась палочка. Сама старая госпожа сидела на возвышении, на жёсткой подушке, прямая, в тёмно-сером платье без единой вышивки. Волосы, совсем седые, убраны под простую чёрную повязку. Чётки из тёмного дерева в левой руке. Лицо узкое, сухое, с глубокими складками у рта, и глаза, удивительно ясные. Такие глаза бывают у людей, которые много плакали, а потом перестали.

Рядом, чуть ниже, сидела Цинь Юйжун с мальчиком. Мальчику было лет шесть, круглое лицо, серьёзный рот. Он смотрел на Цинлань во все глаза.

Пэй Чжао стоял у окна. Он был одет в тёмно-синее, на поясе ни нефрита, ни кошель. Когда Цинлань вошла, он не повернул головы.

Служанка подала ей поднос. На подносе стояла чашка из голубого фарфора, с крышкой, и чайник. Цинлань налила, опустилась на колени перед возвышением и подняла чашку на вытянутых руках, склонив голову.

– Матушка, выпейте чаю.

Старая госпожа не шевельнулась.

Цинлань держала чашку. Руки были вытянуты, локти чуть согнуты, как учила старая Чжоу. Чашка была горячая, и сначала это было даже приятно, утро стояло прохладное. Потом пальцы начали гореть. Она не двигалась.

В покоях было очень тихо. Перестукивали чётки. Мальчик зашевелился, и мать положила ему руку на колено.

Чай остывал. Цинлань чувствовала это через фарфор: жар уходил из стенок, медленно, сначала из края, потом из доньшка. Пальцы перестали гореть. Руки начали неметь, от плеч вниз. Она смотрела на подол платья старой госпожи и считала черты в иероглифе «долголетие», вышитом по краю подушки. Четырнадцать. Потом ещё раз. Четырнадцать.

Старая госпожа взяла чашку, когда чай стал совсем холодным. Сняла крышку. Посмотрела на чай. Отпила.

– Встань.

Цинлань встала. Колени не сразу послушались.

– Холодный, – сказала старая госпожа, ставя чашку на столик рядом. – В этом доме чай всегда холодный. Привыкай.

– Да, матушка.

– Ты дочь министра ритуалов. Значит, тебя учили каллиграфии.

– Учили, матушка.

– Через месяц Праздник середины осени. В этот день я жгу в храме Цзинцы сутру за упокой мужа и старшего сына. Обычно её переписывает настоятель. В этом году перепишешь ты. Алмазную сутру, полностью. Невестка дома должна делать это своей рукой.

Юйжун чуть подняла голову. Цинлань увидела, как по её лицу прошло что-то быстрое, похожее на обиду. Значит, прежде этого не требовали ни от кого.

– Да, матушка.

– Сегодня перепишешь первую главу. При мне. Я хочу видеть, как ты держишь кисть.

Служанки принесли низкий столик, бумагу, тушь, кисть. Бумага была хорошая, плотная, с лёгким желтоватым отливом. Тушь из ламповой сажи, с запахом мускуса, дорогая. Цинлань растёрла её в тушечнице, медленно, по кругу, пока вода не стала густой и блестящей. Она чувствовала на себе взгляды. Старой госпожи, Юйжун, мальчика. И ещё один, со стороны окна, хотя когда она подняла глаза, Пэй Чжао по-прежнему смотрел во двор.

Она взяла кисть и на мгновение замерла.

Своей рукой писать было нельзя. Своей рукой она дописала приказ о Ляньшане, который лежал теперь где-то в этом доме. Своей рукой она писала записку старому Гу. И своей рукой, её отцовской рукой, писали в доме академика Вэнь, где её учили с трёх лет, держа её пальцы своими. Кто-нибудь в столице мог это помнить.

Девять лет она писала за Ваньжоу. Сочинения для учителя, стихи к празднику, письма подругам. Ваньжоу ленилась, а госпожа Лу хотела, чтобы дочь блистала. Ваньжоу писала округло, торопливо, с сильным нажимом в начале черты и слабым в конце, будто ей скучно было доводить до края. Точки ставила кругленькие. Знак «сердце» вечно заваливала вправо.

Цинлань опустила кисть в тушь и начала писать рукой Ваньжоу.

«Так я слышал. Однажды Будда пребывал в Шравастии...»

Строки ложились ровно, но небрежно, ровно настолько небрежно, насколько нужно. Знак «сердце» заваливался вправо. В двух местах она нарочно оставила лишнюю каплю. Она писала долго, лист за листом, и через какое-то время перестала замечать взгляды. Остались только кисть и бумага, и привычная тишина внутри, которая приходила всегда, когда она работала.

Когда она закончила главу и подняла голову, солнце уже ушло из окна. Мальчик спал у матери на коленях. Пэй Чжао в покоях не было.

Старая госпожа взяла листы, поднесла близко к глазам. Читала долго. Потом опустила.

– Рука девочки, которая торопится на прогулку, – сказала она. – Кисть ещё на бумаге, а сама уже во дворе.

– Простите, матушка.

– Не проси прощения. Переделывать не будешь. Покойники не придирчивы. – Она отложила листы. – Иди.

Цинлань поклонилась и вышла. Только в галерее, когда за спиной закрылась дверь, она позволила себе разжать кулак. На ладони остались четыре полукруглых следа от ногтей.

– Сестрица!

Юйжун догнала её у лунных ворот, мальчик шёл рядом, держась за материнский рукав и потирая глаза.

– Сестрица, вы очень терпеливая. Я в первое утро чуть не уронила чашку. Мне было восемнадцать, я ревела потом весь день. – Она улыбнулась. – Матушка вас уже любит. Вы не смотрите, что она так. Ко мне она через год начала обращаться по имени.

– А вам она давала переписывать сутру?

Юйжун моргнула.

– Нет. У меня скверная рука. – Она погладила сына по голове. – Ань, поклонись тётушке. Мальчик поклонился, старательно, сложив ладошки.

– Тётушка, а вы умеете писать знак «тигр»?

– Умею.

– Дядя тоже раньше умел. Он мне обещал написать тигра на воздушном змее. А теперь не пишет.

– Ань, – сказала Юйжун мягко, и мальчик замолчал.

Цинлань присела перед ним на корточки.

– Принеси мне змея. Я напишу.

Ань просиял. Юйжун посмотрела на неё сверху, и на этот раз её улыбка задержалась на лице чуть дольше, чем нужно, так что Цинлань успела её разглядеть. Улыбка была добрая. Глаза над ней оставались усталыми и пустыми.

Весь день прошёл в мелочах. Управляющий принёс книги расходов на её покои, и она просмотрела их, отметив, что угля на зиму заложено вдвое меньше, чем нужно, а свечей вдвое больше. Служанки показали ей кладовые. А-Цзюй разложила по сундукам приданое, ворча, что сундуки дома Лу снаружи красивые, а внутри наполовину пустые. Цинлань велела ей молчать об этом. Она и так знала. Половину приданого Ваньжоу госпожа Лу оставила дома на случай, если дочь найдётся.

– Я спросила на кухне про барышню Мэн, – сказала А-Цзюй, понизив голос, когда они остались вдвоём. – Про ту, что в пруду.

– Я не велела тебе спрашивать.

– Вы не велели, а я спросила. Кухарка говорит, её нашли утром у камня-птицы. Лицом вниз. А на ней был плащ хоу. Тёмный, с меховым воротом. Говорят, барышня Мэн его сама выпросила, ночью, у него в кабинете. И никто не знает, зачем она пошла к пруду в мужском плаще.

Цинлань долго молчала, перебирая листы расходной книги.

– Кто ещё знает, что ты спрашивала?

– Никто. Кухарка любит сушёные сливы, я ей дала горсть из нашего сундука.

– Больше не спрашивай. Ни про пруд, ни про плащ.

А-Цзюй обиженно поджала губы, но кивнула. Цинлань перевернула страницу и поняла, что не помнит ни одной цифры с предыдущей.

К вечеру прибежал Ань с бумажным змеем. Белый ромб на бамбуковых палочках, с хвостом из красных лент.

– Где писать? Где? Дядины кисти все спрятаны. Мама сказала, у вас свои.

Своих у Цинлань не было. Свои остались в мастерской. Она подумала и сказала:

– Пойдём к дяде. Спросим у него.

Она сама не знала, зачем это сказала. Может быть, затем, что днём, за переписыванием сутры, всё время помнила о взгляде от окна. Может быть, из-за того, что увидела ночью: рука над листом, как над огнём.

Ань схватил её за руку и потащил через двор.

Кабинет днём выглядел иначе. Солнце стояло низко и било в окно, книги на полках золотились. Дверь была открыта. Внутри никого не было. Ань сунул голову, огляделся и шёпотом сказал:

– Дяди нет. Мы подождём?

– Подождём снаружи.

Но Ань уже вошёл, змей волочился за ним хвостом по полу. Цинлань шагнула через порог, чтобы его вывести, и остановилась.

На столе, на том самом месте, где ночью Пэй Чжао держал руку над листом, лежал лист. Развёрнутый, придавленный по краям двумя бронзовыми львами. Бурый по левому краю. С красным оттиском внизу.

Её работа.

Она узнала его сразу, как мать узнаёт ребёнка в толпе. Края, которые она обрезала. Основа, которую она подложила. Знаки, которые она дописала на месте утрат: «выступить», «до особого». Отсюда, с порога, они были неотличимы от остальных. Только она знала, где шов.

И крючок. Длинная вертикаль в знаке «запрещаем», с крючком вниз и назад.

– Тётушка, – сказал Ань. – А что это?

– Не трогай, – сказала она, и голос прозвучал хрипло.

– Не трогайте, – сказал голос у неё за спиной.

Она обернулась. Пэй Чжао стоял в дверях. Видимо, только что пришёл с конюшни: на сапогах пыль, на рукаве соломинка. Он смотрел не на неё, а на мальчика.

– Ань. Ты знаешь, что сюда нельзя.

– Я хотел, чтобы тётушка написала тигра. – Ань прижал змея к груди. – Дядя, ты ведь не пишешь. А тётушка пишет. Она бабушке целую сутру написала.

Пэй Чжао перевёл взгляд на Цинлань. Она стояла между ним и столом, и знала, что он видел, на что она смотрела. Знала, как выглядело её лицо в ту секунду, когда она увидела лист. Человек, который год назад разглядел ямочку на щеке чужой девушки через весь сад князя Аньпина, не мог этого не заметить.

– Возьми на полке кисть, – сказал он мальчику. – Вторая полка, синяя шкатулка. И иди с тётушкой во двор. Здесь мало света.

Ань кинулся к полке. Пэй Чжао прошёл мимо Цинлань к столу, неторопливо свернул лист, положил его в длинный футляр из чёрного лака и закрыл крышку. Он не спешил и не прятал, убрал вещь на место, как убирают своё.

– Вам интересны военные приказы, госпожа?

– Я не поняла, что это, – сказала Цинлань. – Я увидела печать.

– Вы смотрели не на печать.

Она промолчала. Ань уже бежал к двери, размахивая синей шкатулкой.

– Тётушка, идём! Тигра!

– Идите, – сказал Пэй Чжао. – Мальчик ждёт.

Она вышла. Во дворе Ань разложил змея на каменной скамье, открыл шкатулку. Внутри лежали кисти. Шесть штук, разного размера, с ручками из пятнистого бамбука, совсем новые, ни разу не макавшиеся в тушь. Их купили, похоже, в те самые дни, когда стало ясно, что писать ими некому.

Тушь Ань принёс из бабушкиных покоев, выпросив у служанки. Цинлань развела её в крышке от шкатулки, выбрала самую толстую кисть и написала на белом ромбе знак «тигр». Крупно, своей рукой, не думая, потому что ребёнку всё равно. Широкая черта сверху, лапа, хвост. Ань заверещал от радости.

Она подняла голову. В окне кабинета стоял Пэй Чжао и смотрел на знак на змее.

Смотрел долго, не двигаясь. Потом отошёл от окна.

Цинлань опустила кисть. Пальцы были в туши, и она вдруг поняла, что сделала. Своей рукой. Ваньжоу ни за что не написала бы «тигра» так: широко, с сухой кистью в последней черте, с крючком, который отец называл «хвост ласточки». Утром она писала для старой госпожи круглые торопливые знаки. Вечером написала для мальчика знак, в котором любой, кто умел смотреть, увидел бы другого человека.

Он умел смотреть.

Ань побежал запускать змея к пруду. Цинлань отмыла руки в бочке с дождевой водой и долго стояла над ней, глядя на своё отражение, которое дрожало от падающих капель.

Чэн Фэн появился в воротах, когда уже смеркалось. Он почти бежал, и шрам на брови казался белым на покрасневшем лице. Он пересёк двор, не заметив её в тени, и постучал в дверь кабинета так, как стучат, когда нет времени ждать ответа.

– Хоу-е!

Дверь открылась.

– Говори.

– У Каменного моста пожар. Мастерская старика Гу. Горит с заднего двора, соседи носят воду, но там бумага, клей, масло... – Чэн Фэн перевёл дыхание. – Старика вытащили. Он жив, но плох. Хоу-е, кто-то знал. Кто-то знал, что он работал над нашим листом.

* * *

Глава 4. Пепел у Каменного моста

– Возьмите меня с собой.

Она вышла из тени раньше, чем успела решить, стоит ли. Чэн Фэн обернулся рывком, рука легла на рукоять ножа у пояса, потом узнал и убрал руку, растерянно.

Пэй Чжао стоял в дверях кабинета, уже накидывая на плечи тёмный плащ.

– Вернитесь в покои, госпожа.

– Старый Гу мой учитель.

Она увидела, как Чэн Фэн перевёл взгляд с неё на хоу. Пэй Чжао не шевельнулся. Только застёжка плаща, которую он пытался свести на груди правой рукой, никак не попадала в петлю.

– Ваш учитель, – повторил он.

– Девять лет я ходила к нему тайком от дома Лу. Он учил меня клеить свитки. – Цинлань сделала шаг вперёд. – Если он умирает, я хочу быть там. Можете запереть меня потом. Можете отправить обратно в дом Лу. Но сейчас возьмите с собой.

Застёжка наконец вошла в петлю. Пэй Чжао опустил руку.

– Чэн Фэн, коня.

– Два коня, хоу-е? Или повозку для госпожи?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.